ВЕК XX: ЭТНИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

© 1993 г., ЭО, № 1 В. Вуячич, В. Заславский СССР И ЮГОСЛАВИЯ: ПРИЧИНЫ РАСПАДА*

В последнее время в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе наблюдается резкое обострение национализма. Даже в относительно однородных по составу населения странах национализм играет существенную политическую роль. Что же касается многонациональных посткоммунистических государств, то в них политическая мобилизация на этнической основе приобрела невиданную интенсивность. На сегодняшний день два из этих государств — Советский Союз и Югославия уже распались, а единство третьего — Чехо-Словакии подвергается серьезным испытаниям.

Советский Союз потерпел крах спустя семь десятилетий после своего образования и через 45 лет после «окончательного» установления своих границ в итоге второй мировой войны. Отчаянная попытка Горбачева осуществить новый союзный договор на основе мартовского референдума 1991 г. окончилась неудачей. После провала путча в августе 1991 г. независимость бывших советских республик

была признана международным сообществом.

Нечто подобное произошло и с Югославией, Прошло 72 года с тех пор, как эта страна появилась на развалинах Оттоманской и Габсбургской империй, и 45 лет с того момента, как она оформилась в своих нынешних границах под властью коммунистов, руководимых Тито, — и вот Югославия оказалась в тисках этнических конфликтов и гражданской войны. В январе 1990 г. Союз коммунистов Югославии (СКЮ) наконец самораспустился — уже давно было очевидно, что эта организация фактически распалась на ряд национальных компартий. В течение 1990 г. во всех югославских республиках были проведены выборы, давшие совершенно различные результаты. В то же время федеральное правительство предприняло попытку всеобъемлющей рыночной реформы в надежде восстановить межреспубликанскую интеграцию на новой основе. Однако полномасштабная гражданская война, разразившаяся после провозглашения независимости Словенией и Хорватией, показала внутреннюю неустойчивость Югославии. Невозможность сохранения югославской федерации стала настолько очевидной, что даже Европейское сообщество, ранее выступавшее за единство Югославии, теперь признает распад югославского государства свершившимся фактом.

Этот прилив национализма представляет собой одно из наиболее серьезных проявлений общего кризиса социальных систем советского типа. Чтобы объяснить нынешний распад СССР и Югославии, необходимо рассмотреть основные факторы политической стабильности в этих государствах

на протяжении послесталинского периода.

Советская и югославская традиционная национальная политика

Некогда Второй Интернационал потерпел крах из-за того, что социал-демократические партии не сумели поставить цели революционной классовой борьбы

^{*} Статья написана до 1992 г.

выше требований национализма. Вплоть до настоящего времени считается, что марксизм и национализм идеологически несовместимы . Как известно, национальная политика большевиков основывалась на постулировании «преходящей» сушности национализма. Однако Ленин осознавал политический потенциал национализма как средства в борьбе с царским режимом. Хотя до революции большевики так и не разработали последовательной программы в национальном вопросе, принцип права наций на самоопределение стал одним из важнейших в их политической стратегии. Умелая игра на недовольстве меньшинств обеспечила в числе прочих факторов псбеду большевиков в гражданской войне 1917-1921 гг. 2 Однако угроза распада нового советского государства вскоре заставила партию изменить свою позицию. Как заявил Сталин, главный большевистский специалист в национальном вопросе, право на самоопределение может быть предоставлено только «трудящимся», а не «буржуазии» 3. Так или иначе, формальное «право на самоопределение вплоть до отделения», запечатленное в последующих советских (и югославских) конституциях, никогда не имело реального содержания.

Как оказалось в конечном счете, более существенной уступкой национальным чувствам со стороны большевиков стало создание федерации (до революции эта политическая модель партией отвергалась). Федерализм советского типа строился под влиянием сталинского определения «нации», в котором связывались язык, культура, этничность, территория и политическое управление ⁴. Советская федерация рассматривалась как совокупность «суверенных» национальных государств, контролируемых сильным центром. В силу последнего обстоятельства многие воспринимали ее не как реальную федерацию, а как унитарное госу-

дарство 5.

Впрочем, формальный анализ конституционных положений относительно суверенитета республик не дает реальных результатов, поскольку упускает из виду истинное содержание советской национальной политики. Цель советского федерализма была не в регулировании взаимоотношений между суверенными республиками и центром, а в том, чтобы встроить все национальности в единую советскую политическую систему, в которой республики являлись всего лишь региональными элементами в единых структурах партийно-государственного управления, подбора кадров и централизованного экономического планирования. Эта жесткая вертикальная субординация делала Советский Союз не федеративным, а унитарным государством. Вместе с тем советскую «империю» не следует считать всего лишь «преемницей» имперской России 6, ибо при этом подходе игнорируются советская национальная политика и порожденная ею институционализация (политическое оформление) этничности.

В рамках советской федерации каждая национальность занимала свое место в сложной иерархии, включавшей несколько уровней государственности,— союзные республики, наделенные максимальной степенью «саморегуляции», автономные республики, автономные области, автономные округа и, наконец,

этнические группы, не имеющие территориальной автономии.

Хотя самоуправление республик имело весьма ограниченный характер, повсеместно проводилась политика льгот по отношению к «титульным» национальностям. В частности, существовала благоприятная для этих национальностей система квот в высшем образовании (установленная еще в 1920-х годах), а также в интеллигентских профессиях и в аппарате управления. Эта политика, известная также под названием «коренизация», представляла собой значительную уступку национальным чувствам. Благодаря ей на протяжении брежневского периода успели прочно укорениться республиканские политические элиты, влияние которых на местах впоследствии обеспечило направленную против центра политическую мобилизацию населения 7.

Политика предпочтения по отношению к «титульным» национальностям проявлялась также в том, что во всех республиках создавались практически одинаковые структуры в экономике, науке и образовании. Каждая союзная республика имела стандартный набор государственных учреждений, вузов, научно-исследовательских институтов, издательств, свои Академию наук, Союз писателей и т. д. Такая политика «структурного изоморфизма» была привлекательной для этнических элит, причем не только в условиях высокой социальной мобильности, характерной для периода индустриализации, но и впоследствии, когда передача социального статуса «по наследству» стала облегчаться разрывом между городом и деревней. Таким образом, формирование «компрадорских» этнических элит способствовало интеграции национальностей в рамках советской системы и в то же время разделяло коренные этнические группы на городские и сельские.

Средством институционализации этничности в рамках советской национальной политики была паспортная система, введенная в 1932 г. В паспорте советского гражданина фиксировались не только его место рождения и постоянный адрес, но и социальное происхождение, а также национальность. Практика паспортного учета национальности, оформившаяся с конца 1930-х годов, превратила этничность в аскриптивную (приписываемую) социальную характеристику, поскольку национальность ребенка определялась содержанием соответствующей графы в паспортах родителей. Выбор национальности был возможен только для детей в национально-смешанных семьях. Одним из незапланированных результатов этой политики было повышение этнической однородности населения в союзных республиках. Дело в том, что многие дети из смешанных семей приписывались к «титульной» национальности, чтобы получить право на соответствующие льготы.

Таким образом, принадлежность к «титульной» национальности стала одним из важнейших критериев социальной стратификации. Иногда этот статус предоставлялся этническим группам, уже обладавшим развитым национальным самосознанием. Однако в ряде случаев власти вводили этот статус произвольно, разбивая население того или иного региона на национальные группы по своему усмотрению. Главным последствием этой политики было создание в каждой союзной республике своей системы этнической стратификации с подчиненным положением меньпинств.

До второй мировой войны югославские коммунисты относились к своему государству столь же не однозначно, как большевики к территориальной целостности Российской империи в. Лишь после расчленения страны в результате нацистского вторжения в апреле 1941 г. (и, что еще более важно, после нападения Германии на Советский Союз) Коммунистическая партия Югославии (с 1937 г. возглавляемая Тито) твердо выступила за воссоздание многонационального го-

сударства в прежних или в несколько расширенных границах.

Успех борьбы югославских партизан был отчасти связан с притягательностью политики коммунистов для многих (хотя и не для всех) национальных меньшинств, которым было обещано предоставить после войны «самоопределение» 9. Коммунисты обещали положить конец довоенной «великосербской гегемонии» и централизму и намеревались перестроить государство на федеративной основе по советскому образцу. Югославская конституция 1946 г., основанная на сталинской федеративной модели 1936 г., разделила страну на шесть республик, один автономный край (Воеводина) и одну автономную область (Косово и Метохия). Обе автономии размещались в границах крупнейшей республики — Сербии, что имело целью сдерживать ее притязания на роль «центра». Как и в Советском Союзе, межреспубликанские границы не всегда соответствовали реальному расселению народов. По крайней мере одна республика — Босния и Герцеговина появилась на свет в результате компромисса между сербами, хорватами и мусульманами и не имела выраженной титульной национальности. Тем не менее в большинстве своем югославские республики рассматривались как национальные территории соответствующих народов.

Югославский федерализм, подобно советскому, был нацелен не столько на обеспечение реального суверенитета республик, сколько на удовлетворение психологического стремления народов к ощущению самостоятельности ¹⁰. До середины 1960-х годов Югославия оставалась централизованным государством, контролируемым партией с помощью тайной полиции. В последующий период в югославских республиках сформировались характерные для Советского Союза национально-территориально-административные комплексы. Политика «коренизации» народов по советскому образцу не могла практически осуществляться сразу после войны. Впрочем, относительно завышенная доля сербов и черногорцев в федеральных структурах власти объяснялась скорее не сознательными националистическими тенденциями, а характером формирования коммунистического руководящего слоя в годы войны ". Со временем республики перешли под контроль местных кадров и все в большей степени воспринимались как политические опоры соответствующих аппаратных группировок. Как и в Советском Союзе, связанная с федерализмом политика «структурного изоморфизма» обладала притягательностью для этнических городских прослоек, которые получали свои преимущества от высокой социальной мобильности в период индустриализации, вступали во «владение» государственными квартирами и имели гораздо более высокий уровень жизни по сравнению со своими предками-крестьянами. В ряде случаев государственные меры по развитию культуры приводили к невиданному ранее росту национальной интеллигенции и в конечном счете стимулировали этническое самосознание ¹².

Расширение полномочий республик придало югославской национальной политике более гибкий характер по сравнению с советской. Хотя в Югославии и действовала система льгот в зависимости от социального происхождения, она не была дополнена квотами для этнических групп в сфере образования. Югославские коммунисты не стали вводить национально-пропорционального представительства в вузах, допускали довольно широкую горизонтальную социальную мобильность и не превратили национальность в аскриптивную характеристику, определяемую «по крови» ¹³. В ходе проводившихся каждые 10 лет переписей населения граждане страны могли свободно указывать свою национальность, в частности называть себя «югославами» или «мусульманами» (последняя формула национальной принадлежности была введена в 1960-х годах в качестве уступки боснийским мусульманами). Не была исключением и смена национальности по

собственному желанию.

В Югославии никогда не было ничего похожего на советскую паспортную систему и институт прописки. Хотя центр сохранял общий контроль над распределением трудовых ресурсов, с середины 1960-х годов трудящиеся могли свободно выбирать место работы ¹⁴. Таким образом, границы между национальностями не имели такого жесткого характера, как в Советском Союзе. Провал послевоенней попытки коллективизации и отсутствие паспортной системы способствовали сохранению традиционного крестьянского общества и обеспечивали его более успешную интеграцию с городом.

Другое сходство между Советским Союзом и Югославией в области национальной политики состояло в том, что в обоих государствах ставилась задача выравнивания различных частей федерации по уровню социально-экономического развития. С самого начала успех этого направления национальной политики определялся способностью сильного «центра» вкладывать крупные средства в слаборазвитые регионы или перераспределять на нужды этих регионов часть

доходов более богатых республик.

Такие инвестиции и перераспределение доходов никогда не достигали желаемых результатов в полном объеме — даже в условиях централизованной экономики советского типа. И все же в целом для относительно бедных республик был характерен более высокий уровень капиталовложений, хотя нельзя сказать, что какая-либо конкретная республика постоянно выигрывала или, наоборот, про-игрывала в конкуренции за государственные инвестиции 15. Таким образом, политика выравнивания была фактором этнической интеграции, особенно в исторически отсталых регионах. В Советском Союзе эта политика потерпела неудачу: иерархия республик по различным показателям развития никогда по существу не менялась. Дело здесь было не в нежелании советского руководства

оказывать помощь слаборазвитым регионам, а в таких факторах, как общие пороки централизованного планирования, расточительное использование ресурсов, низкая производительность труда в слаборазвитых республиках и в особенности быстрый демографический рост в традиционно мусульманских регионах ¹⁶.

Югославский режим, несмотря на свою большую гибкость и сравнительно рано предпринятые попытки реформ, также проводил политику «выравнивания». Сразу после окончания второй мировой войны были разработаны обширные планы социально-экономического развития таких относительно бедных республик, как Черногория, Македония и Босния и Герцеговина. Некоторые отклонения от этой политики объясняются происшедшим в 1948 г. разрывом между Югославией и СССР 17. Впоследствии, по мере консолидации югославского коммунистического режима, слаборазвитые регионы получили значительную помощь, что, однако, не принесло желаемых результатов. Эта неудача связана, во-первых, с низкой производительностью труда, во-вторых, с тем, что помощь оказывалась без каких-либо условий и обязательств, и, в-третьих, с быстрым демографическим ростом (последний фактор имеет особое значение для края Косово). В условиях югославской децентрализации источником неэффективности экономической политики было и стремление местных партийных боссов к установлению экономической автаркии республик для укрепления своей политической базы 18.

Как и в Советском Союзе, политика выравнивания оказалась наиболее успешной в сфере культуры. Поощрение национальных языков, создание культурных учреждений в республиках, развитие социальной сферы, в том числе образования и здравоохранения,— все это способствовало росту прослойки высококвалифицированных специалистов (экспертов) среди всех национальностей. Эта политика, обусловленная экстенсивным экономическим ростом страны и зарубежными кредитами, была фактором формирования этнических элит. Однако она имела и некоторые непреднамеренные негативные последствия, в частности перепроизводство экспертов, многие из которых не могли найти себе места в югославской экономике, более ориентированной на рынок, тем советская 19.

Этнические конфликты в Советском Союзе стимулировались не только обособлением национальностей в рамках паспортной системы, но и советским федеративным устройством, разделявшим народы по уровню государственности, а значит, и по объему получаемых от государства «этнических льгот». Произвольный характер межреспубликанских границ, особенно в Средней Азии, препятствовал возникновению «надэтнической» оппозиции режиму на религиозной основе и порождал конфронтацию между этническими группами. Наконец, жесткие барьеры между городом и деревней, возникшие в результате коллективизации и беспаспортного положения колхозников, привели к сегрегации внутри самих этнических групп в зависимости от социальной структуры и характера расселения, что предупреждало саму возможность коллективных действий 20.

В Югославии террор, хотя и не достиг сталинского размаха, все же сыграл важную роль в «умиротворении» националистических сил после кровопролитной гражданской войны. Убийства в Блейберге *, преследование католической церкви, ликвидация сербских «четников», истребление без разбора гражданских лиц за «коллаборационизм» или за любое сопротивление политике коммунистов — все это были неотъемлемые элементы становления коммунистического режима в Югославии. Впоследствии, когда наступил более либеральный период, насилие применялось выборочно, прежде всего по отношению к националистическим движениям, ставившим под угрозу территориальную целостность страны (Хорватия в 1970—1971 гг.; Косово в 1981 г.).

Как отмечает Стивен Павлович, коммунистическая партия «проводила политику, направленную на поддержание враждебного равновесия между наци-

[•] Блейберг — местность в Каринтии (Австрия), где в мае (после 9/V) 1945 г. войска Народноосвободительной армии Югославии уничтожили многочисленную группировку усташей (усташ хорв. повстанец), а также хорватских и словенских ополченцев, воевавших на стороне Германии. При этом были расстреляны и сдавшиеся в плен.

ональностями. Она поощряла периферийные этнические группы, чтобы ослабить крупные народы, в особенности сербов и хорватов, которых она стремилась уравнять между собой» ²¹. Такая политика была нацелена на внутреннюю интеграцию меньшинств, не признававшихся в довоенной Югославии. Вместе с тем она усиливала центробежные тенденции, так как увеличивала число этнических групп. Другая серьезная проблема состояла в неопределенности статуса меньшинств в республиках. Например, как следовало рассматривать Хорватию с ее крупным сербским меньшинством — как государство хорватского народа или как многонациональную республику? А Сербия с ее многочисленным албанским меньшинством? Считать ее этнической территорией сербов или же многонациональной республикой? Эти вопросы, так и не получившие должного конституционного разрешения, со временем привели к гражданской войне.

Крах коммунистической национальной политики в Югославии

Кризис национальной политики начался в 1960-х годах. Разрыв между Советским Союзом и Югославией в 1948 г. стимулировал развитие югославских реформ 22. Устранение фактического руководителя службы безопасности Александра Ранковича стало итогом длительной борьбы между реформистскими лидерами таких республик, как Словения и Хорватия, и Ранковичем с его сербской политической базой 23. Разногласия между реформаторами и сторонниками централизации касались выделения инвестиций и кредитов слаборазвитым регионам. Неэффективность этих инвестиций вызывала недовольство в Словении и Хорватии, где республиканское руководство выступало за углубление децентрализации и экономические реформы. Победа «реформистской коалиции» означала существенное перераспределение политической власти от центра к республикам, преобразование прежнего унитарного государства в реальную федерацию и принятие курса на экономическую реформу — все это под эгидой СКЮ.

В конце 1960-х годов власть в большей степени сосредоточилась в руках республиканских партийных лидеров и технократов-управленцев, заинтересованных в реформах рыночного характера. Однако эта децентрализация не стала «решением» национального вопроса. Республиканские лидеры все более активно выдвигали националистические ориентиры и стремились к децентрализации сохранившихся федеральных учреждений. Вызов политическому центру исходил не только от руководства Словении и Хорватии, но и от реформистски настроенных сербских лидеров. Вместе с тем по-прежнему существовало недовольство экономическим всевластием центра. Оно было особенно выражено в Хорватии, где считалось, что белградские центральные банки и монопольные внешнеторговые объединения отбирают у республики ее богатство ²⁴. Хорватский кризис 1971 г. предвещал конец югославского аналога «перестройки». Центр устоял. Чистка местных руководителей в Хорватии, Словении и Сербии и их замена людьми, лично преданными Тито,

была последним актом недолговечного югославского эксперимента.

Кризис показал, что республиканские коммунистические лидеры использовали децентрализацию для того, чтобы создать себе прочную опору среди населения своих регионов. Однако такая мобилизация масс на национальной основе в условиях демократизации политической системы была чревата опасностью для самих этих лидеров, что и продемонстрировали последующие события в ряде республик. Вместе с тем экономические реформы выявили провал политики «выравнивания», которая обостряла противоречия между богатыми и бедными республиками и лишь подчеркивала коренную несовместимость их экономических интересов. Говоря кратко, менее развитые республики, естественно, поддерживали перераспределительную политику центра, в то время как Хорватия, Словения и Воеводина имели все основания противостоять этой политике. Таким образом, любая попытка рыночной реформы со стороны федерального центра могла быть сорвана сильными региональными лидерами, имеющими противоположные

политические цели. Более того, усиление национально-территориального принципа в сфере управления привело к созданию предпосылок для формирования полноценной республиканской государственности, т. е. конституционно гарантированного политического, экономического и культурного суверенитета республик. В Югославии с ее более децентрализованной общественной системой этот процесс

развернулся раньше, чем в Советском Союзе 25.

Была ли рыночная реформа в принципе несовместима с сохранением территориального единства страны? В начале 1970-х годов сильные лидеры, опиравшиеся на личный авторитет Тито, могли предпринять такую реформу. В этом отношении Югославию можно сравнить с франкистской Испанией, находившейся тогда примерно на том же уровне экономического развития. Была возможность перехода к более демократической системе с сильным центром и последовательным курсом на экономическое процветание. Однако она не была реализована в силу внутренней логики, общей для всех коммунистических режимов. Исходом этнического кризиса в Югославии стало не установление авторитарного режима, ориентированного на рыночную экономику, а нечто совсем иное. На протяжении 1970-х годов страна превратилась в довольно рыхлую (несмотря на контроль партии) конфедерацию, сохранение которой все в большей степени зависело от личного авторитета Тито ²⁶. Вместе с тем семена экономической реформы, посеянные в конце 1960-х годов, были по существу загублены с введением основанной на самоуправлении системы «хозяйствования по соглашению», которая наложила на предприятия огромную бюрократическую нагрузку и ограничила влияние нарождающегося «класса менеджеров».

Результаты этой политики были катастрофическими ²⁷. Рост зависимости югославской экономики от иностранных кредитов сопровождался хронической неэффективностью капиталовложений и распространением коррупции в правящих структурах. В то же время уступки этническим элитам подорвали способность федерального центра к самостоятельным действиям. Это наглядно проявилось в 1990—1991 гг., когда усилия премьер-министра Югославии Анте Марковича, возможно первого в истории страны убежденного реформатора-рыночника, были

парализованы «непокорными» республиками.

Крах традиционной национальной политики стал очевидным в ходе событий 1981 г. в населенном преимущественно албанцами автономном крае Косово, вплотную примыкающем к независимой Албании. Этот регион, находящийся на последнем месте в стране по уровню социально-экономического развития, получил в течение 1970-х годов непропорционально большую федеральную помощь, которая должна была способствовать интеграции албанского меньшинства в славянское государство. Албанский язык был объявлен официальным языком края, поощрялось продвижение национальных кадров, в Приштинском университете воспитывалась интеллигенция с развитым национальным самосознанием. Этот университет был огромным даже по весьма разлутым югославским понятиям: уже в 1981 г. в нем училось 26 тыс. студентов, а позднее он вышел по числу студентов на первое место в стране 28. Одновременно в Косово наблюдался демографический бум — по естественному приросту населения (2,5% в год) югославские албанцы находятся на первом месте среди всех этнических групп в Европе ²⁹. Поскольку Югославия отказалась от политики полной занятости по советскому образцу, все больше университетских выпускников не могло найти работу, несмотря на выделяемые федеральным центром финансовые ресурсы (впрочем, эти ресурсы далеко не всегда использовались рационально). Возникновение многочисленной недовольной националистической интеллигенции в модернизирующемся традиционном обществе (с низкой занятостью женщин и большими семьями) не могло не привести к взрыву национализма. Положение усугублялось тем, что к середине 1980-х годов сербы составляли только 10% населения края, причем их доля продолжала сокращаться. Резкий экономический спад 1980-х годов привел к свертыванию политики выравнивания, что стимулировало этническую мобилизацию албанских масс.

Косовский кризис породил ответную этническую мобилизацию среди сербского населения. Этот процесс поощрялся новым авторитарным лидером Сербии Слободаном Милошевичем, который пришел к власти в 1987 г. Выбранный Милошевичем курс на мобилизацию (не имевший прецедента в истории коммунистической Югославии) привел к жесткому подчинению сербских автономных краев (Косово и Воеводины) республиканским властям. Фактически произошел отказ от традиционной национальной политики. Это изменило этнический баланс в рамках югославской федерации и вызвало ответную этническую мобилизацию в других республиках, особенно в Хорватии и Словении 30. При таких обстоятельствах политическая демократизация начала 1990-х годов могла привести только к дальнейшему усилению мобилизации на базе национализма. Итоги выборов в различных югославских республиках свидетельствуют о преобладающем влиянии националистических партий. Победа антикоммунистических партий в Словении и Хорватии оказалась, однако, в резком контрасте с сохранявшимся в Сербии господством коммунистов («социалистов»), которые опирались на такие остатки «старого порядка», как федеральные военные структуры. Различия в результатах выборов усилили политические и экономические противоречия между республиками и еще более подорвали единство федерации. Неудача, постигшая на выборах единственную подлинную общеюгославскую партию (Союз реформистских сил, основанный Марковичем в 1990 г.), углубила паралич федерального центра.

Структурные факторы югославского кризиса связаны с коммунистической национальной политикой. Эта политика способствовала интеграции национальностей в период быстрой индустриализации и экстенсивного экономического роста, но она же породила этническую мобилизацию в условиях экономического кризиса 1980-х годов, «этнизацию власти» в республиках и неспособность федерального центра к проведению широких реформ. Одним из факторов этнической гомогенизации в республиках было и слабое развитие межреспубликанских миграций населения (если такие миграции и имели место, обычно они приводили к повышению этнической однородности населения республик) 31. Недавние «торговые войны» между югославскими республиками (Сербией и Словенией, Сербией и Хорватией) также подорвали единство общеюгославского рынка и помешали

проведению реформ в рамках федерации.

Этническая мобилизация исключила возможность рыночной реформы на федеральном уровне. Так или иначе, федеральное правительство не имело власти и легитимного авторитета, необходимых для осуществления такой реформы. Стремление одновременно перейти к рынку и демократизировать общество порождает серьезные трудности даже в этнически однородных странах Восточной Европы. В многонациональных же государствах такое стремление приводит к

политической дезинтеграции 32.

Советские национальности при Горбачеве

Долгая история распада Югославии не имеет прямых аналогий в советском опыте. При Брежневе действовали отдельные этнические активисты и группы, однако мощный аппарат подавления исключал возможность широкой этнической мобилизации ³³. Вместе с тем местные партийные элиты обладали некоторой самостоятельностью, а в менее развитых республиках (в частности, в Средней Азии) властолюбивые партийные руководители устраивали себе чуть ли не феодальные владения. В условиях демократизации растущая власть республиканских элит на местах могла быть использована против политического центра. Поэтому неудивительно, что приход к власти в Москве реформистского руководства породил рост национальных амбиций и этнической мобилизации. Курс реформаторов на гласность, сопровождавшийся идеологическим наступлением на «брежневский» центр, а также общая либерализация общества с введением конкурентных выборов дискредитировали аппарат принуждения и мешали применению силы для регулирования общественных конфликтов.

Наиболее разительным примером этнической мобилизации последнего времени является армяно-азербайджанская война из-за Нагорного Карабаха. В обеих республиках этническая мобилизация проводилась сначала местным коммунистическим руководством, а затем массовыми народными движениями. Подобная мобилизация шла и в республиках Прибалтики, в Грузии, Молдавии и на Украине. Таким образом, многочисленные острые этнические конфликты стали едва ли не главной заботой реформистских лидеров страны еще до того, как попытка переворота в августе 1991 г. нанесла окончательный удар по единству СССР ³⁴.

Кризис Советского Союза связан также с провалом традиционной национальной политики. Будучи многонациональной империей, СССР мог сохранять относительную внутреннюю стабильность в период экстенсивного экономического роста, когда не было недостатка в ресурсах, а широкое применение насилия обеспечивало контроль над обществом. Но такая стабильность не могла быть гарантирована в условиях экономического упадка и политических реформ, когда уже не было возможности создавать рабочие места для этнических элит, расширяя бюрократический аппарат на местах и выделяя средства на развитие культуры и образования. Резкие различия между республиками по уровню развития, по обеспеченности природными ресурсами и рабочей силой, по демографическим и иным показателям ставили центр в еще более трудное положение.

Как и в Югославии, национальная политика в Советском Союзе одновременно способствовала и этнической сегрегации, и этнической гомогенизации. Эти тенденции усиливались также вследствие слабого развития межреспубликанских экономических связей. В последние годы этническая однородность населения республик возросла и в результате вынужденных миграций ³⁵. Этническая гомогенизация в республиках, чем бы она ни объяснялась, отрицательно влияла на перспективы единства Союза, поскольку увеличивала обособленность республик

и стимулировала создание национальных государств.

Помимо этого националистическая мобилизация усиливалась из-за относительно слабой «структурной дифференциации» советского общества. Советские городские социальные классы значительно отличаются от таковых на Западе. В СССР не было космополитической буржуазии, способной преодолевать межнациональные противоречия во имя общих экономических интересов в рамках независимых политических организаций. Это снижало уровень межнациональной интеграции в обществе. Зависимость советской прослойки экономических руководителей от центральных структур и гипертрофированного военно-промышленного комплекса мешала развитию прямых межреспубликанских связей. Рабочие также не могли легко преодолевать межэтнические противоречия, хотя и были попытки образования межнациональных профсоюзных объединений.

Горбачевские реформы обнажили в советском многонациональном обществе две важные линии размежевания. Одна из них пролегала между Прибалтикой и славянскими республиками, другая отделяла от всех прочих южные (преимущественно мусульманские) республики. В прибалтийских республиках националистические движения носили типично сепаратистский характер. Они исходили из необходимости обеспечить национальное выживание народов, а также из экономических интересов. Народы Прибалтики имели все основания полагать, что их насильственное включение в состав СССР отрезало их от мирового рынка и привело к хозяйственному упадку в результате зависимости от неэффективной советской экономики. Кроме того, снижение уровня рождаемости у прибалтийских народов (за исключением католической Литвы с высокой долей сельского населения) в сочетании с массовой иммиграцией русских поставило под угрозу их национальное существование. Данные советских переписей населения свидетельствуют о сокращении удельного веса эстонцев и латышей в населении своих республик 36. Прочные культурные традиции, память о государственной независимости и о жестоком сталинском терроре, сознание слабости центра — все эти факторы также усиливали требования отделения от СССР.

Образование народных фронтов в прибалтийских республиках привело к нарастанию националистической мобилизации. Народные фронты, вовлекшие в свои ряды сотни тысяч людей, стали первыми в советской истории массовыми политическими организациями, свободными от партийного контроля. Их первоначальные требования — расширение децентрализации в экономике, введение республиканского самофинансирования (хозрасчета), прекращение экологически опасных проектов и т. д.— не угрожали прямо территориальной целостности СССР. Однако победа выдвинутых народными фронтами кандидатов на выборах, впервые проводившихся в условиях свободной конкуренции, привела к нарастающей радикализации националистических требований. Вскоре последовали декларации суверенитета республик, призывы к введению республиканского гражданства и, наконец, к независимости.

Националистические движения в государствах Балтии представляли собой нечто большее, чем «обычные» сепаратистские движения, которые после второй мировой войны, как правило, не пользовались поддержкой в международном сообществе ³⁷. Однако для этих государств было сделано исключение, поскольку их насильственное присоединение к СССР никогда не признавалось странами Запада. Хотя экономическая жизнеспособность независимых стран Балтии все еще подвергается сомнению, их географическое положение и культурные связи со Скандинавией. Германией и со всем Европейским сообществом могут обес-

печить альтернативу их многолетней зависимости от СССР.

В отличие от Прибалтики этническая мобилизация в Средней Азии не носила сепаратистской окраски, опровергая тем самым прогнозы исследователей, предсказывавших развитие в этом регионе направленных против центра панисламистских движений. В этих республиках этническая активность вылилась в периодические погромы, жертвами которых становились любые этнические меньшинства, воспринимавшиеся как козлы отпущения. Советская национальная политика имела успех во взаимном натравливании среднеазиатских национальностей. Это подтвердилось кровавыми столкновениями между киргизами и узбеками, узбеками и месхетинскими турками и т. д. Вместе с тем местная интеллигенция так и не выработала отчетливых националистических или панисламистских программ.

Современное положение Средней Азии является свидетельством краха как традиционной советской национальной политики, так и централизованной советской экономической системы. Хотя в эти республики направлялась повышенная доля капиталовложений ³⁸, их относительное отставание от более развитых республик не уменьшилось. Хронически низкая и даже снижающаяся производительность труда ³⁹, отсутствие регионально дифференцированной экономической политики, демографический взрыв — все эти факторы свели к нулю эффективность проводившейся советским режимом льготной политики по отношению к южным республикам ⁴⁰. В этих условиях республики Средней Азии оказались в полной зависимости от капиталовложений и платежей из центра. От ресурсов центра зависело само существование местной интеллигенции. Эта интеллигенция вместе с тем отвергала любые предложения относительно ограничения рождаемости, так как опасалась негативной реакции в массах. Такие предложения выглядели особенно неприемлемыми на фоне тяжелых демографических последствий экологических катастроф в различных областях Средней Азии.

Таким образом, в Средней Азии положительный итог горбачевского референдума о сохранении Союза объяснялся не только влиянием местных партийных структур, поддерживаемых организациями мафиозного типа. Здесь играла роль и подлинная заинтересованность населения региона в экономической помощи центра. Впрочем, неспособность советского государства выполнять свои обещания в условиях упадка экономики и перехода к рынку, рост безработицы неизбежно

должны были привести к росту националистической мобилизации.

Перестройка привела также к заметному оживлению русского национального самосознания. Характерной чертой 70-летней советской истории было совпадение между традиционным русским и наложившимся на него советским имперским

самосознанием ⁴¹. Однако последние 2 года перестройки были отмечены сдвигом в русском национальном сознании. С определенного момента русская националистическая идеология перестала быть исключительным достоянием советских журналов имперского толка вроде «Нашего современника» и «Молодой гвардии», большевистских националистических групп («Объединенный фронт трудящихся России» и др.) или недавно возникших шовинистических обществ, таких, как «Память» и «Отечество». К тому же политическое влияние этих организаций снизилось, что показало поражение «Патриотического блока» на выборах в российский парламент в 1990 г.

Рост нетерпимости и открытой неприязни к русским во многих республиках не вызвал ожидавшейся со стороны русских массовой ответной реакции. Напротив, в 1990—1991 гг. в самой России появилось немало программ сепаратистского характера. Многие русские интеллигенты осознавали, что откол от Союза наиболее развитых прибалтийских республик увеличит затраты на поддержание остающейся части «империи». Они утверждали, что в момент, когда сама Россия стоит перед лицом экономической катастрофы, нельзя заставлять русский народ нести огромные издержки на помощь среднеазиатским республикам с их быстро растущим населением. Перспектива притока в Россию массы рабочих из Средней Азии после перехода к рынку только усиливала сепаратистские настроения среди русских.

Русские интеллектуалы поняли, что слияние русской и советской культуры нанесло русскому народу огромный культурный ущерб. Об искоренении русских традиций и национальной культуры уже давно писал А. И. Солженицын. Такую же озабоченность выражал Д. С. Лихачев, а также другие интеллектуалы либерально-демократической ориентации. Предложение Солженицына распустить советскую империю, выдвинутое в 1990 г., вызвало в обществе необычайный интерес, что указывало на растущее влияние сепаратистских настроений ⁴².

В современном русском обществе основное идейное разграничение пролегает не между «национал-империалистами» (или, по выражению Романа Шпорлука, «спасителями империи» ⁴³) и либеральной интеллигенцией, а между русскими сепаратистами либеральной и «фундаменталистской» ориентации. И те и другие выступают за независимость России или за федерацию славянских республик. При этом либеральные русские националисты твердо привержены западному пути развития, тогда как «фундаменталисты» являются сторонниками нового русского изоляционизма. Эти идеологические тенденции имели большое значение для национальных отношений в Советском Союзе накануне его распада: центральная власть во многом утратила свою опору из-за «предательства русских».

Горбачев вплоть до конца 1991 г. оставался сторонником сохранения единства СССР. В то же время он пошел на существенные уступки республикам, особенно в области экономики и финансов (республиканский хозрасчет) и в вопросе республиканского гражданства. Сущность национальной политики Горбачева отразилась в «Платформе КПСС» по национальному вопросу (1989) и в проекте нового Союзного договора. Платформа предусматривала, что союзный центр должен сохранить за собой не только контроль над обороной, государственной безопасностью и внешней политикой, но и ответственность за «координацию экономики, развитие науки и культуры, обеспечение прав человека, содействие интеграционным процессам и организацию взаимной помощи» ⁴⁴. За центром закреплялось право вырабатывать основные направления политической и экономической стратегии. Платформа отвергала разделение партии и вооруженных сил по национальному принципу, равно как и любые попытки пересмотра межреспубликанских границ.

Три дня августовского путча разрушили горбачевский сценарий будущего Советского Союза. Провал попытки переворота стал началом подлинной революции, которая, подобно восточноевропейским революциям 1989 г., уничтожила все структуры однопартийного режима. Эра Горбачева, пытавшегося сочетать реформистские тенденции и последовательную политику разрядки с постоянными

компромиссами с силами старого режима, пришла к концу. Советская империя потерпела крах. На ее территории возникли новые независимые государства и конфедеративные структуры.

Некоторые выводы

И советский, и югославский кризисы явились результатом краха традиционной национальной политики и коммунистической системы в целом. Невиданный ранее в истории обеих стран уровень этнической мобилизации можно объяснить отсутствием альтернативных способов коллективного действия. Предпосылки этнической мобилизации были созданы благодаря организации власти по национально-территориальному принципу, а также в результате совпадения региональных экономических интересов с этническими. Наконец, сами по себе межэтнические конфликты ведут к этнической гомогенизации в республиках из-за

вынужденных этнических миграций.

Йстория распада Югославии показывает, что децентрализация политической власти не дает выхода из этнического кризиса. Наоборот, в Югославии децентрализация власти усугубила центробежные тенденции. Получилось так, что Югославия могла рассчитывать только на свою слабую «народную армию» и на централизующую силу сербского национализма. Однако полномасштабная гражданская война, начавшаяся после провозглашения независимости Словенией и Хорватией, показала, что процесс распада нельзя остановить даже военной силой. В случае СССР само количественное преобладание русских, а также географическое и экономическое положение России было дополнительным фактором сплоченности союзного государства. В Югославии этот фактор отсутствовал, поскольку этнические пропорции в этой стране имели более сбалансированный характер — на долю сербов приходилось только 38% населения, а республика Сербия лишь немногим превышала по размерам Хорватию или Боснию и Герцеговину.

На югославском примере отчетливо видны трудности, возникающие при попытке одновременно провести переход к рынку и демократизацию в многонациональном обществе советского типа. В то время как рыночная реформа обостряет противоречия между более и менее развитыми регионами, демократизация открывает политический простор для националистических партий с сепаратистскими устремлениями. Экономические, этнические и политические конфликты накладываются друг на друга, и это создает все условия для распада государства. Даже если федеральный центр и пытается осуществить настоящие рыночные реформы (как это было в Югославии), он сталкивается с нехваткой легитимности и общественной поддержки. Поскольку космополитический класс буржуазии еще не сформировался, а слой технократов и менеджеров не имеет самостоятельного влияния в силу зависимости от местных политических элит, федеральный центр испытывает при проведении реформ практически непреодолимые трудности.

Югославский опыт показывает также те препятствия, с которыми мог бы столкнуться Советский Союз, если бы его руководство попыталось осуществить рыночную реформу в масштабе всей страны. При катастрофическом состоянии советской экономики, при более сложном национальном составе населения страны (свыше 100 народов), при многочисленности территориальных споров и при огромном влиянии сталинского террора на национальное сознание народов националистическая мобилизация могла бы принять еще более крайние формы, чем в Югославии. Сосуществование в рамках единой федерации славянских и среднеазиатских народов, резко различающихся по демографическому поведению и по особенностям экономической и политической культуры, могло быть обеспечено лишь при сохранении сильного центра с перераспределительными функциями. Однако жесткая необходимость сокращения бюджетных расходов не позволила бы центру продолжать традиционную политику льгот по отношению к слаборазвитым регионам.

При нынешнем уровне межэтнической напряженности и националистической мобилизации в бывших Советском Союзе и Югославии попытки создать на месте этих коммунистических федераций более демократические федеративные образования встречают жесткое сопротивление со стороны местных элит. Мирный распад СССР и Югославии мог бы способствовать переходу к демократии и рыночному хозяйству. Национальные правительства располагают необходимой легитимностью для проведения жесткой политики экономии, вызывающей недовольство масс. Национализм может служить идеологией, легитимирующей политику государства в течение переходного периода. Наконец, только сильные национальные правительства могли бы осуществлять эффективный контроль над ростом населения в слаборазвитых регионах, таких, как Средняя Азия.

В новых условиях возрастет также свобода действий для оппозиционных партий, которым ранее приходилось жертвовать своими политическими интересами ради достижения независимости. Опыт югославского кризиса показывает, что умеренные оппозиционные партии в центре и на периферии оказываются уязвимыми для нападок со стороны экстремистов, покуда идут межнациональные столкновения. Эта ситуация, вероятно, должна измениться после достижения «национального суверенитета». Вот что говорит Хуан Линс об угрозах демократии в условиях этнической поляризации: «Борьба между ультранационалистическими сепаратистскими и умеренными националистическими течениями среди меньшинств, а также между экстремистскими сторонниками жесткого государственного единства и умеренными элементами в центре подвергает демократическое государство тяжелому испытанию. Сторонники примирения как в центре, так и на периферии оказываются легкой мишенью для нападок со стороны соответственно крайних унитаристов и крайних сепаратистов. При этом любая попытка умеренных отыскать компромиссное решение воспринимается экстремистами как ошибка или даже как предательство» 45. Именно такое развитие событий в Югославии помешало как демократическому преобразованию сербского центра, так и консолидации демократических сил на хорватской полупериферии. В Советском Союзе этническая поляризация привела к таким же или даже более серьезным трудностям в процессе демократизации.

После провала августовского путча российское руководство стремилось полностью использовать обстановку, сложившуюся в результате поражения и краха однопартийной системы. Целью российской политики стало обеспечение права бывших советских республик на самоопределение при сохранении «единого экономического пространства» на территории бывшего СССР. Однако отношения между новыми независимыми государствами складываются не без серьезных

трудностей.

Недавняя «холодная война» между Россией и Украиной заставляет опасаться, что югославский сценарий может повториться, причем с гораздо большим размахом. Полный крах бывшего союзного центра и переход его структур под контроль России делают ситуацию очень похожей на ту, которая сложилась в Югославии накануне гражданской войны. Парадоксальным образом сдерживающим фактором в российско-украинских отношениях оказалось наличие на территории обоих государств ядерного оружия. Это обстоятельство повышает ответственность политических лидеров России и Украины не только перед своими народами, но и перед мировым сообществом. Несмотря на растущее недовольство России украинской военной политикой (претензии на Черноморский флот, приведение к украинской присяге находящихся на Украине военнослужащих и т. д.), особенно резко прозвучавшее в устах вице-президента Руцкого и некоторых парламентариев, можно надеяться, что «сдерживающие факторы» предотвратят здесь развертывание такого же конфликта, как между Сербией и Хорватией. К тому же исторически отношения между русскими и украинцами складывались в целом более благоприятно, чем между сербами и хорватами.

Так или иначе, нельзя не видеть серьезной опасности, возникающей приздезинтеграции многонациональных государств. Распад в условиях гражданской

войны югославского типа может привести к появлению на карте ряда национальных государств, вовлеченных в постоянные конфликты из-за территорий и ресурсов. Более того, новые правительства, приходящие к власти в обстановке этнической поляризации, не будут склонны обеспечивать в своих странах права меньшинств. Весьма вероятно, что главная цель таких правительств — этническая гомогенизация и укрепление государственного единства — заставит их поступаться принципами демократии. Поэтому признание прав меньшинств следует рассматривать как основной критерий при оценке демократической ориентации новых режимов в бывших советских и югославских республиках.

Международное сообщество должно стремиться к предотвращению этнической дискриминации в новых независимых государствах не только исходя из общих демократических принципов, но и по политическим соображениям. Так, продолжение этнических конфликтов может привести к перманентной политической нестабильности, ухудшить климат для иностранных инвестиций и помещать интеграции новых государств в мировой рынок. Эти конфликты могут также вызвать рост числа беженцев.

Взрыв национализма в Советском Союзе и в Югославии был неизбежным следствием коммунистической национальной политики и кризиса плановой экономики. Процесс распада этих многонациональных государств носил объективный характер, и любые усилия извне, направленные на восстановление их целостности, обречены на провал. Если Запад заинтересован в международной стабильности, ему следовало бы поддерживать мирную контролируемую дезинтеграцию СССР и Югославии при поощрении перехода новых государств к рыночной экономике.

Примечания

¹ Так, по словам У. Коннора, «национализм исходит из предположения, что структура человечества определяется прежде всего теми многочисленными вертикальными границами, которые делят людей на этнические (национальные) группы. Марксизм же, напротив, приписывает решающее значение горизонтальному делению общества на классы, существующему независимо от национальных различий» (см.: Connor W. The National Question in Marxist-Leninist Theory and Strategy. Princeton, 1984. Р. 5.). Прекрасный анализ сродства между марксизмом-ленинизмом и национализмом дан Энтони Смитом (Smith A. Nationalism in the Twentieth Century. N. Y., 1979. P. 115—150).

² Cp.: Pipes R. The Formation of the Soviet Union. 2nd ed. N. Y., 1968.

³ Сталин И. В. Соч. Т. 4. М., 1946. С. 31—32.

⁴ Stalin J. Marxism and the National Question. N. Y., 1942. P. 12. Как отмечает Пайпс, «таким образом советская Россия стала первым современным государством, положившим национальный принцип в основу своего федеративного устройства» (Pipes R. Op. cit. P. 112).

⁵ Seton-Watson H. The New Imperialism. N. Y., 1967. Проблемы советского федерализма недавно рассмотрены в статье: Goldman Ph. Perestroika: End or Beginning of Soviet Federalism?//Telos 84.

Summer 1990. P. 69-88.

6 Seton-Watson H. Op. cit.; см. также, например: Szporluk R. The Imperial Legacy and the Soviet Nationalities//Haida L., Bessinger M. The Nationalities Factor in Soviet Politics and Society. Boulder, 1990. P. 1-24.

Это обстоятельство подчеркивает Александр Мотыль в своей книге: Motyl A. Sovietology,

Nationality, Rationality. N. Y., 1990.

Avakumovic I. History of the Communist Party of Yugoslavia. Aberdeen, 1964; см. также: Shoup P. Communism and the Yugoslav Question. N. Y.; L., 1968. P. 13-60.

 Burks R. V. The Dynamics of Communism in Eastern Europe. Princeton, 1961.
 По словам У. Вусинича, «Югославия, хоть она официально и считается федерацией, на деле более походит на унитарное государство». См.: Vucinich W. Nationalism and Communism//Contemporary Yugoslavia. Twenty Years of Socialist Experiment/Ed. Vucinich. Berkeiey; Los Angeles. 1969. P. 253.

11 Shoup P. Op. cit. P. 121-122; Burks R. V. Op. cit.

12 Это особенно относится к Македонии, где в течение 1960-х годов был нормативно разработан практически новый «македонский» язык и где целенаправленно поощрялось развитие македонского этнического самосознания. Черногорцы, имевшие свою государственность и традиции, но мало отличавшиеся от сербов по этническому самосознанию, приобрели более выраженные этнические особенности под воздействием коммунистической национальной политики. То же можно сказать о боснийских мусульманах, чье самосознание в прошлом имело скорее религиозный, а не этнический характер, поскольку по этническому происхождению они были сербами либо хорватами — см.: Shoup P. Op. cit.

13 Впрочем, проблема национальных пропорций в местных и федеральных структурах власти с самого начала вызывала споры между республиками главным образом из-за преобладания сербских и черногорских кадров. В конце 60-х — начале 70-х годов для того, чтобы выравнять представительство республик в федеральных учреждениях, был введен так называемый принцип «паритета». Трудная дискуссия между республиками, которая привела к принятию этого принципа, описана в книге

C. bepra: Burg S. Conflict and Cohesion in Socialist Yugoslavia. Princeton, 1983.

14 Более того, в середине 1960-х годов югославские рабочие, получив паспорта, массами потянулись в Западную Европу. Югославские коммунисты осознали неизбежность безработицы и огромные масштабы связанных с ней социальных издержек, что побудило их выдать гражданам страны паспорта. Эта мера оттянула нарастание социальных (и этнических) конфликтов. Югославия избежала катастрофических последствий массовой «промтаризации» и безработицы. К тому же поступления от «гастарбайтеров» из Западной Европы повышали благосостояние их семей, остававшихся в Югославии.

15 White S. The Supreme Soviet and Budgetary Policy in the USSR//British J. of Political Science. 1982. P. 75-94; Barry D. Outside Moscow. Power, Politics and Budgetary Policy in the Soviet Republics.

N. Y., 1987.

16 Сравнение различных республик по образовательному уровню населения обнаруживает последовательную приверженность советского режима принципу «выравнивания». В то время как русские, грузины, армяне и евреи всегда опережали остальные национальности по уровню образования, может показаться удивительным, что образовательный уровень городских рабочих в Средней Азии в последнее время был выше, чем соответствующий показатель для данной социальной категории в целом по стране. См.: Schroeder G. E. Social and Economic Aspects of the Nationality Problem//The Last Empire/Ed. Conquest R. Stanford, 1986. P. 290-314.

¹⁷ Необходимость строить военные предприятия стратегического значения в отдалении от границ с государствами Варшавского договора ставила в выгодное положение Боснию и Герцеговину и Хорватию, в то время как интересы торговли с Западом стимулировали капиталовложения в экономику более развитых регионов, особенно Словении. Этим объясняется то, что в период 1947-1963 гг. Словения получила в расчете на душу населения в 3 раза больше инвестиций, чем Косово -- см.:

Singleton F., Carter B. The Economy of Yugoslavia. N. Y., 1982. P. 220.

18 Уже с 1960-х годов югославские экономисты спорили о том, в какой степени общая неэффективность экономики страны связана с нерациональными проектами, исходящими из внеэкономических соображений (так называемые «политические фабрики») — см.: Rusinow D. The Yugoslav

Experiment. Berkeley; Los Angeles, 1977.

19 Mrksic D. Srednji Slojeki u Jugoslaviji. Beograd, 1987. Эти интегративные особенности советской и югославской национальной политики представляли собой другой, нерепрессивный аспект стратегии «разделяй и властвуй», проводившейся правящими коммунистическими партиями. Они ни в коем случае не умаляют таких исторических беспрецедентных явлений, как последствия сталинского террора во всех советских республиках — чистка местных партийных кадров, депортация и истребление этнических групп, обвиненных в сотрудничестве с оккупантами, насильственное поглощение государств Балтии, геноцид на Украине и т. д. Даже после смерти Сталина внутренняя стабильность в стране поддерживалась в основном аппаратом насилия.

²⁰ О соотношении между классовой, территориальной и этнической стратификацией см.: Zaslausky V.

The Neo-Stalinist State. Armonk (New Jersey), 1982.

21 Paulowitch S. The Improbable Survivor. Yugoslavia and its Problems. Columbus (Ohio). 1988. P. 71. ²² См.: Rusinow D. Op. cit. О сложных структурных сдвигах см.: Burg S. Op. cit. Другой подход к проблеме изложен в кн.: Ramet P. Nationalism and Federalism in Yugoslavia, 1963—1983. Bloomington, 1984.

²³ Lendvai P. Eagles in Cobwebs. Nationalism and Communism in the Balkans. N. Y., 1969.

²⁴ Cm.: Rusinow D. Op. cit. P. 249-250; Ramet P. Op. cit. P. 104-107.

25 Cm.: Linz J. Totalitarian and Authoritarian Regimes//Handbook of Political Science/Eds Greenstein

F., Polsby N. Addison-Wesley Publishing Company (Massachusets). 1975. V. 3. P. 336-350.

6 Раме сравнивает отношения между соперничающими югославскими республиками с отношениями между суверенными государствами на международной арене (Ramet P. Op. cit.), Русинов говорит о «конфедерализации» югославской политической системы в 1970-е годы (Rusinow D. Op. cit.).

Shoup P. Crisis and Reform in Yugoslavia//Telos 79 (Spring 1989). P. 129-147.

²⁸ Horvat B. Kosovsko pitanje. Zagreb, 1989. S. 137.

²⁹ Ibid. S. 182—184.

³⁰ Анализ ответственности режима Милошевича за обострение этнической поляризации в Югославии выходит за рамки нашей статьи.

31 Singleton F., Carter B. Op. cit. P. 226-229.

³² Нет никакой гарантии, что рыночные реформы будут последовательно проводиться в отдельных республиках, хотя бы и в условиях полной независимости. Поскольку в каждой республике руководство прежде всего стремится к государственному суверенитету, весьма вероятно, что будут предприниматься попытки огосударствления экономики, как это уже происходит и в находящейся под властью коммунистов Сербии, и в националистически ориентированной Хорватии. Переходу к рынку препятствует также склонность победивших на выборах партий рассматривать экономику прежде всего как источник налоговых поступлений, необходимых для поддержания социальной стабильности посредством перераспределения доходов.

33 Alexeyeva L. Soviet Dissent. Middletown (Connecticut), 1985.

³⁴ Более подробный анализ см. в кн.: Zaslawky V. Das russische Imperium unter Gorbatschow.

Seine ethnische Struktur und ihre Zukunft. B., 1991.

³⁵ Вскоре должны стать ощутимыми долговременные последствия бегства сотен тысяч армян из Азербайджана и азербайджанцев из Армении, а также обратной миграции русского населения в Россию из других бывших советских республик — см.: Sheehy A. 1989 Census on Internal Migration in the USSR//Radio Liberty Report on the USSR. 1989. V. 1. № 45.

³⁶ За период 1959—1989 гг. доля эстонцев в населении Эстонии снизилась с 75 до 61%, а

латышей в населении Латвии — с 62 до 52%.

³⁷ По словам Кроуфорда Янга, «за немногими исключениями, международное сообщество проявляет явно негативное отношение к попыткам раскола существующих государств. В послевоенный период сепаратисты, ищущие поддержки за рубежом, обычно наталкивались на крайне холодную реакцию» — см.: The Politics of Cultural Pluralism, Madison (Wisconsin), 1976. P. 81.

³⁸ За 10 лет (с 1971—1975 до 1981—1985 гг.) общий объем капиталовложений в стране увеличился на 49,8%, в то время как в Узбекистане этот прирост составил 64,9%, а в Азербайджане — 95,6% -

см.: Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987.

39 В первой половине 1980-х годов производительность труда в Таджикистане не возрастала, а

в Туркмении даже уменьшилась.— см.: Социологические исследования. 1988. № 2. С. 70. ⁴⁰ Быстрый рост населения представляет собой особую проблему для Средней Азии. В 1959—1989 гг. население четырех среднеазиатских республик увеличилось на 123% (в остальных республиках прирост составил только 27%). Это означает, что население региона удваивается каждые 20 лет. При этом советская политика индустриализации не привела к изменению соотношения между городским и сельским населением. Напротив, доля сельского населения в Средней Азии превышает сейчас 60% и имеет тенденцию к росту. Таким образом, быстрый демографический рост мешает усилиям, направленным на модернизацию традиционного общества.

41 См.: Motyl A. Op. cit. Ch. 11. Мотыль даже отрицает существование русского национализма и предпочитает говорить о русском шовинизме и империализме. Однако «национальное» и «имперское» сознание не исключают друг друга. Так, многочисленные исторические исследования показали преемственность между немецким национализмом XIX в. и германским империализмом XX в., поскольку были обнаружены многие родственные особенности этих двух явлений. История бонапартизма во Франции также свидетельствует о связях между традиционным французским национализмом

и французской «mission civilizatrice» («цивилизаторской миссией»).

2 Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию//Лит. газ. 1990. 18 сент.

43 Cm.: Szporluk R. Dilemmas of Russian Nationalism//Problems of Communism. July-August 1989.

44 Правда. 1989. 24 сент.

⁴⁵ Linz J. Crisis, Breakdown, Reequilibration//The Breakdown of Democratic Regimes//Eds Linz J., Stepan A. Baltimore; L., 1978. V. 1. P. 64.

The Causes of Disintegration in the USSR and Yugoslavia

American scholars contributing this article focus upon the collapse of Communist multinational states in the USSR and Yugoslavia. The disintegration is seen as predetermined by Communist nationality policies which had tried and failed to combine economic and political centralism with social structuring along ethnic lines. In both states the linkage between territory, language, administration and ethnicity promoted ethnic mobilization ultimately directed against the «Centre». A preliminary assessment of the ethno-political situation in the post-Communist nation-states is also given.

V. Vujacic, V. Zaslavsky

© 1993 r., 90, No 1

Г. Ю. Ситнянский

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ОТРАСЛЕЙ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА в горной киргизии"

Современное состояние киргизского сельского хозяйства, в первую очередь основной его отрасли - скотоводства, не может не вызвать тревоги общественности республики. В этом автор убедился сам, совершив в апреле — ноябре 1990 г. поездку по территории не существовавшей в то время (с декабря 1988 по февраль 1991 г.) Нарынской обл.

^{*} Статья написана по материалам поездки автора в Нарынскую обл. в 1990 г.